

[Рец на: / Review of:] A. Cienki, O. Iriskhanova (eds.). *Aspectuality across languages: Event construal in speech and gesture*. Amsterdam: John Benjamins, 2018. xviii + 221 p. ISBN 9789027201249.

Юлия Владимировна Николаева

Yulia V. Nikolaeva

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
julianikk@gmail.com

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
julianikk@gmail.com

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.132-140

Введение

Книга «Аспектуальность в разных языках: конструирование событий в речи и жестах» представляет результаты многолетней работы авторов в области изучения глагольных категорий и их связи с жестикуюляцией с точки зрения когнитивной лингвистики.

Можно по-разному описывать взаимосвязь жестов¹ и речи. В статье Ф. Паррил, посвященной выходу книги А. Кендона [Kendon 2004], она сформулирована так: мануальная и вокальная модальности представляют континуум коммуникативного поведения, а способы, которыми они комбинируются, варьируются в зависимости от ресурсов, имеющих в распоряжении говорящего [Parrill 2005: 117]. Здесь она обобщает подход, который можно проследить во многих исследованиях [Goldin-Meadow et al. 1996; Liddell 2003; McNeill 1992], и предлагаемое ею понятие «континуума» позволяет оценивать отдельные явления в коммуникации, включая движения рук, как более и менее языковые. Исследования в этой области объединяют теоретические и методологические подходы лингвистики, когнитивной психологии и кинезиологии². В рассматриваемой книге представлены исследования для трех языков (русского, немецкого и французского), изучающие конструирование событий говорящим и отражение аспектуальных значений глагола в жестикуюляции.

Эта тема уже рассматривалась для английского языка и некоторых других. Так, в работе [Duncan 2002] сравниваются китайский и английский языки. В китайском языке с глаголами в перфекте использовались простые по форме и краткие жесты, для глаголов с дуративными показателями — более протяженные по времени, а с глаголами в длительном (продолженном) времени жесты были циклическими или повторяющимися в зависимости от того, какой тип движения они иллюстрировали. Для английского языка наблюдались похожие тенденции в том, что касается продолжительности и более детального изображения

¹ Следуя сложившейся традиции (см., в частности, [Крейдлин 2002; Гришина 2017]), мы будем считать синонимичными термины «жестикуюляция» и «жесты», понимая под ними коммуникативно значимые движения рук, сопровождающие речь.

² Под «кинезиологией» понимается механика движений человека и методы ее изучения. В русскоязычной литературе можно встретить также термины «биомеханика» [Дубровский, Федорова 2003] и «физиология движений» [Бернштейн 1990]. Мы оставляем термин «кинезиология», использованный в книге, поскольку, исходя из практики его применения, он подразумевает все современные методы изучения движений, широкую теоретическую основу и более разнообразные сферы применения, в то время как термин «биомеханика» чаще всего используется в медицине и спорте (а также в театре), а «физиология движений» — в психологии.

действия для дуративных значений (*as he's coming up*) в противоположность перфективному, выраженным с помощью показателей прошедшего времени (*he swallowed it*).

Д. Макнил [McNeill 2003] отмечает, что основная часть (логический центр) жестов, сопровождающих перфективные глаголы, приходится на слова, следующие за глаголом, а имперфективные — на сам глагол. Кроме того, его результаты подтверждают наблюдения С. Дункан о том, что жесты с перфективными глаголами короче по времени, чем с имперфективными. В работе [Parrill et al. 2013] также показывается, что высказывания в прошедшем продолженном времени (*I was writing a book*) сопровождались жестами более длительными по времени и передавали больше информации о событии, чем высказывания в прошедшем совершенном (*I had written a book*).

Насколько нам известно, на материале русского языка только Е. А. Гришина исследовала аспектуальные значения в жестикуляции. В ее работах на массиве Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) было показано, что многократные жесты чаще сопровождают глаголы несовершенного вида. Глаголы совершенного вида с точки зрения жестикуляции более разнородны, при этом глаголы на *-апу-* противопоставляются остальным бесприставочным глаголам совершенного вида, т. е. с большой вероятностью встретятся вместе с жестом, в котором рука сжата в кулак и движение передает идею «интенсивности, усиления, повышенной энергетики» [Гришина 2017: 582–584]³.

Книга «Аспектуальность в разных языках: конструирование событий в речи и жестах» продолжает исследование, проведенное для английского языка [Becker et al. 2011]. В упомянутой работе изучалось создание и понимание высказываний, в которых речь и жесты используются совместно при описании структуры события. Качественный анализ показал, что для каждого из трех основных аспектуальных типов, выделяемых по параметрам предельности и дуративности (процесс, совершение и достижение), можно обнаружить различия сопровождающих их жестов: глаголы, выражающие достижения, иллюстрируются короткими (punctual) жестами, обозначения процессов сопровождаются более плавными или циклическими движениями, а для совершений не удалось обнаружить закономерностей в жестикуляции. Кроме того, аспектуальные характеристики влияют на согласование жеста и глагола по времени: движения рук, иллюстрирующие достижения и совершения, обычно заканчиваются или повторяются на дополнении или обстоятельстве (*Он снова прыгнул на рельсы*), а для процессов жесты совпадают по времени с глаголом (что согласуется с упомянутыми выше выводами Д. Макнилла). При этом для адресата сообщения важно, чтобы аспектуальные особенности глагола и жеста совпадали: когда в некоторых видеозаписях экспериментаторы поменяли местами жесты, использованные с разными аспектуальными группами, то испытуемые сделали больше ошибок, вспоминая, какой именно глагол был использован, и ответ на этот вопрос занял у них больше времени.

³ Гораздо больше известно о том, как выражаются аспектуальные значения в русском жестовом языке (РЖЯ). Так, в работе Г. Л. Зайцевой [2000: 53] говорится о двух основных способах: лексическом (для выражения завершенности добавляются жесты ГОТОВО, ЗАКОНЧЕНО) и фоносемантическом (медленное исполнение жеста и повтор выражают незавершенность, резкое и однократное движения соответствуют завершенным действиям). Е. Ю. Шамаро [2006: 185] пишет, что для глаголов-состояний используются плавные или статичные жесты, для процессов — повторения базового движения (обычно редуцированные), а для достижений — однократное стремительное движение с вертикальной ориентацией (обычно вниз). Е. В. Филимонова показывает, что для русского жестового языка аспектуальные значения выражаются преимущественно аналитически (при помощи служебных слов и лексических средств, таких как жесты УЖЕ, ПО-ПРЕЖ-НЕМУ или НАЧАТЬ), но кроме них могут использоваться морфологические и фоносемантические средства (например, разные типы редупликации, движение по дуге или изменение скорости исполнения жеста). В целом, по наблюдениям автора, «регулярного и последовательного противопоставления перфективных и имперфективных значений в русском жестовом языке (...) не было обнаружено; лишь в некоторых примерах в качестве показателя перфектива используется жест УЖЕ» [Филимонова 2015: 269].

Данная работа, в отличие от статьи [Becker et al. 2011], фокусируется не на выраженном в глаголе способе действия (Aktionsart), а на морфологических признаках грамматического аспекта, но также сопоставляет разные группы глаголов и соответствующие им типы жестов.

Структура книги следующая: в первой главе подробно излагаются теоретические основания, на которые опирается исследование, включая их развитие во времени с Античности до наших дней и сравнение разных научных парадигм и методологий. Вторая глава подробно описывает процедуру сбора и аннотации данных. В третьей главе разбирается распределение глаголов в собранном корпусе по временам для немецкого и французского или видовым группам для русского языка. Четвертая глава посвящена особенностям жестов в корпусе — различиям в жестовом поведении носителей языка и сочетаемости с аспектуальными типами глаголов. Далее идут наблюдения о кинезиологии жестов, а в последней главе содержится описание и тщательный разбор психологических методов, а также возможности их использования для изучения восприятия жестикуляции адресатом. В конце каждой главы и подразделов первого уровня есть выводы или заключительные замечания.

1. Теоретические предпосылки. Понимание аспектуальности и идея предельности в жестикуляции

Авторы опираются на классическую работу [Comrie 1976: 3], который определяет аспект как «внутреннюю временную структуру ситуации»⁴. Важно отметить, что до сих пор исследователи этой глагольной категории в основном ограничивались примерами из письменной речи (с. 1), равно в психологии и в лингвистике, поэтому о том, как глагольный аспект проявляется в устном общении, известно довольно мало.

В рамках когнитивного подхода грамматические элементы считаются сопоставимыми с лексическими единицами с точки зрения их способности выражать символические значения [Langacker 2008: 3–4]; значение языковой единицы — результат того, как говорящий осмысляет свой опыт, а понимание языкового выражения связано с непосредственным сенсорным отражением ситуации, о которой идет речь (с. 2). Жесты, будучи частью коммуникативного намерения говорящего, помогают понять, как грамматические значения соотносятся с чувственным опытом говорящего во взаимодействии с миром. Жесты — иная семиотическая система, отличающаяся от языка, но связанная с языковым мышлением, и их изучение позволяет выйти из порочного круга, когда для понимания психических процессов исследователи опираются на языковые данные, а результаты работы с этими данными служат основанием для обобщений о психических процессах.

Таким образом, изучение жестов в связи с грамматической категорией аспекта помогает ответить на вопрос, выражают ли аспектуальные противопоставления просто различия в языковых средствах описания некоторой ситуации для рассматриваемых языков, или же они указывают на фундаментально разные способы конструирования событий: различия в жестикуляции, сопровождающей разные глагольные формы, у носителей одного языка и различия в жестикуляции носителей разных языков будут отражать различия в осмыслении событий.

Среди ключевых признаков события, выраженных мультимодальными средствами⁵, авторы выделяют предельность / непредельность (boundedness / unboundedness), т. е. взгляд

⁴ «Different ways of viewing [and expressing] the internal temporal constituency of a situation».

⁵ В данной статье термины «мультимодальный» и «полиmodalный» используются как синонимичные. Первый из них более распространен, однако авторы книги последовательно придерживаются второго варианта [Ирисханова 2014].

на действие как на завершенное целое либо же как на разворачивающийся процесс, в котором важны детали и подробности. Таким образом, для понимания структуры события фундаментальным оказывается признак открытых или закрытых границ, как их представляет говорящий.

В разделе 2.2.1.3 обращается внимание на то, что для изучения жеста ключевыми являются не статические признаки, такие как положение руки и то, в какую сторону развернута ладонь («изобразительный характер», подчеркиваемый в работах Д. Макнила [McNeill 1992]), а динамические: при анализе важен не только визуальный образ, создаваемый говорящим с помощью рук, но и механика движения. При этом жест не обязательно копирует формальные признаки описываемого движения, он может передавать нужное значение метафорически, например: движение руки по кругу часто используется для передачи итеративности. В более общем случае (не)выраженность границ движения в жесте является отражением предельности или неопределенности события. Согласно гипотезе авторов, имперфектив как глагольная категория соотносится с таким жестом, в котором не выражены начальная и конечная точка движения; для перфектива скорее будет показана предельность, т. е. обозначены границы начала и/или завершения события (с. 57). В каждом конкретном случае это проявляется как изменение скорости (нарастание или замедление) или короткое усилие для предельных жестов либо, напротив, равномерное плавное движение для неопределенных.

2. Данные

Во второй главе разбираются все технические вопросы, касающиеся сбора, описания и анализа данных. Для изучения того, как жестикуляция связана с глагольными категориями, потребовалось создать корпус видеозаписей, которые содержали бы рассказы в прошедшем времени; условия записи должны быть близки к ситуации естественного общения. Чтобы спровоцировать участников использовать нужные типы глаголов, их попросили рассказать истории, связанные либо с длительными событиями (столкновение с бюрократической волокитой, попытка заказать еду в ресторане на неродном языке), либо с такими, которые развиваются быстро (победа в спортивном соревновании; автомобильная авария, свидетелями которой они были). Для каждого языка были выбраны разговоры десяти пар суммарной длительностью около 120 минут.

В третьей главе описываются языковые способы конструирования событий: какие времена и для каких значений выбирают в рассказе носители каждого из трех языков и как можно сопоставить грамматические категории разных языков. В рамках данного исследования было решено изучать глаголы в прошедшем времени. В русском есть только одно прошедшее время, но два вида — совершенный и несовершенный, а в немецком и французском для передачи значений в прошедшем времени есть синтетическая форма имперфекта (*Präteritum* и *imparfait* соответственно) и аналитический перфект (*Perfekt* и *passé composé*); кроме того, в русском и немецком есть дополнительные морфологические маркеры для выражения способа действия.

3. Полимодальная структура события в разных языках

В четвертой главе сравниваются особенности жестикуляции у говорящих на русском, французском и немецком. Так, в рассказах на французском языке больше амплитуда жестов, в которых задействованы рука от плеча, а не только кисть и пальцы (что упрощало задачу описания движений), но жесты короче по времени, чем в рассказах на немецком.

Неизвестно, как в этом отношении отличаются жесты русскоязычных испытуемых, но есть уточнение, что русские жесты выглядят более плавными и мягкими.

Далее разбираются количественные данные, собранные для проверки гипотезы о связи глагольного аспекта и предельности жеста. Для французского языка эта гипотеза подтвердилась: с *passé composé* (завершенное прошедшее время) примерно в два раза больше предельных жестов, чем неопределенных, а с *imparfait* (незавершенное прошедшее) — наоборот. Примеры, которые не подчиняются этой общей тенденции, интерпретируются как иллюстрирующие другие важные характеристики события (помимо глагольного аспекта) либо передающие прагматические или дискурсивные значения, важные в данном контексте. Что любопытно, предпрошедшее и настоящее историческое (*plus-que-parfait* и *présent*) встречались с жестами гораздо чаще, чем обычные прошедшие времена, хотя реже использовались в этих рассказах.

Для немецкого языка предельные жесты преобладали во всех случаях, хотя для перфекта разрыв между предельными и неопределенными жестами был больше. Возможное объяснение появления неопределенных жестов с претеритом состоит в том, что его аспектуальное значение является слишком слабым и поэтому не может повлиять на жестикуляцию. Использование претерита в немецком ограничено глаголами определенного типа, простыми с морфологической точки зрения и слишком общими с семантической (модальные глаголы и связки), поэтому вероятность совпадения жеста с таким коротким словом снижается (с. 128–129); кроме того, эти глаголы не выделены просодически, а жестикуляция часто синхронизирована с просодическими акцентами. И, конечно, следует учитывать, что сведение всех сложных и взаимозависимых параметров движения только к одному признаку ведет к риску упустить важные детали в жестикуляции: например, если повторяющееся движение по кругу (отражающее цикличность, соотносимую с претеритом) выполнено с ускорением в какой-то точке траектории, такой жест будет считаться предельным.

Для русского ситуация с распределением предельных и неопределенных жестов примерно такая же, как в немецком: предельных жестов больше со всеми типами глаголов, но с глаголами совершенного вида разница больше. Несоответствие данных гипотезе о том, что с глаголами несовершенного вида будет больше неопределенных жестов, авторы объясняют также семантическими и прагматическими факторами. К сожалению, разбор сложных примеров остановился только на перечислении некоторых возможных причин, среди которых влияние жестов собеседника, недавних и последующих жестов самого говорящего, параметров ситуации (однократность, завершенность) на движения рук в целом и т. д., так что воздействие каждого из этих факторов еще предстоит изучить. Также возможно, что несоответствие данных гипотезе о согласованности жестов и глагольного вида проявило какие-то особенности видовой системы русского языка, которые не были заметны, пока жестикуляция не стала рассматриваться в качестве еще одного способа выражения грамматических значений.

Наконец, возможно, что гипотеза не подтвердилась для русского и немецкого потому, что эти различия продиктованы не особенностями аспектуальной системы и способами конструирования событий, а другими причинами — например, является ли событие важным в рассказе или скорее относится к фону истории (корреляция, которая достаточно хорошо прослеживается для французского языка).

4. Кинезиологический анализ

Стремление к большей формализации подхода, к отходу от субъективных оценок, предполагает усиление внимания к формальным признакам движения [Boutet 2015]. Почти незаметные изменения скорости движения, проявляющиеся как (не)предельность жеста, можно рассмотреть с точки зрения физиологии, учитывая степени свободы и то, как

меняется скорость в зависимости от числа задействованных суставов и движущейся части руки.

Детальный кинезиологический анализ французских жестов (авторы пятой главы из Франции) показывает, что жесты для *imparfait* начинаются с плеча, а для *passé composé* — с пальцев или кисти, причем корреляция даже выраженнее, чем анализ предельности движения в целом.

Другим признаком жеста, соотношенным с глагольными характеристиками (понимаемыми обобщенно как противопоставление перфекта и имперфекта), может быть длительность жеста — она оказалась релевантной для всех трех изученных языков (а также для американского жестового и для английского). Авторы объясняют, что движение пальцами или кистью более короткое, и поэтому его легче остановить, что соотносится с идеей перфективности — завершенности события, — в противоположность движению, начатому от плеча, которое обладает большей инерцией и поэтому оказывается более плавным (с. 157–158).

5. Восприятие жестов говорящего адресатом

Шестая глава посвящена другому аспекту мультимодального общения — пониманию мультимодального сообщения адресатом. Авторы выбрали несколько примеров из рассказов, записанных на предыдущих этапах, и сравнили реакцию испытуемых, когда жесты по параметру предельности соотносывали либо противоречили семантике глагола. Поскольку согласованность жестов и глагольных форм была больше всего выражена для французского языка, предполагалось, что при просмотре французских клипов реакция испытуемых на несоответствие характеристик жеста и глагола будет заметнее.

В качестве испытуемых был выбран 161 участник в сумме для всех трех языков. В ходе эксперимента для каждого языка предъявлялись по 16 пар видеоклипов с глаголом в перфективной (*passé composé*, *Perfekt*, совершенный вид) или имперфективной форме (*imparfait*, *Präteritum*, несовершенный вид). Половина полученных клипов была показана в первоначальном виде, другая половина была изменена так, чтобы глагол и жест не соответствовали друг другу (голова говорящего не была видна на экране при показе). Испытуемые после просмотра клипа должны были ответить, совпадает ли появившийся на экране глагол с тем, который прозвучал только что в видеофрагменте; учитывалось время реакции и число неправильных ответов. Результаты для немецкого и французского языка не подтвердили первоначальную гипотезу: время реакции после просмотра измененных клипов, в которых жест (предельный или непредельный) не сочетался с глаголом (соответственно, перфективным или имперфективным), не различалось. Для русского языка различие было, но незначительное. Возможно, это объясняется тем, что жесты могут выполнять разные функции (иллюстрировать сообщение, указывать на структуру дискурса, передавать прагматические значения) и аспектуальные значения в жестикуляции не всегда являются центральными для адресата.

Заключение

Изучение мультимодальной природы коммуникации, особенно с позиций лингвистики, началось относительно недавно, и этой области еще предстоит выработать общепринятый инструментарий, основные понятия и конвенции, в частности, в том, что касается сбора материала и методов анализа. Рассматриваемая работа содержит подробные обоснования всех технических решений, и это одновременно большое достоинство и повод для дальнейших обсуждений.

Например, в данном исследовании жест считался соответствующим какой-то глагольной форме, если хотя бы частично совпадал по времени с этим словом. Но временные соответствия могут быть неточными, жест и соответствующее слово даже могут не пересекаться; жесты и слова могут быть разной длительности, и их относительное пересечение может быть очень небольшим относительно их общей протяженности [Федорова и др. 2016]. Помимо этого, есть данные о том, что основная часть жеста («мах») часто совпадает с фразовым ударением. Известно, что для русского языка в силу формальных правил фразовое ударение будет скорее на актантах глагола, чем на самом глаголе; получается, что в русском языке совпасть по времени с глаголом должна вспомогательная часть жеста — подготовительная. Эти рассуждения показывают, что формальные решения о соотношении жеста и слова рискуют выглядеть произвольными и упрощающими общую картину, но это нельзя отнести к недостаткам именно этого исследования, а скорее к общим методам изучения мультимодальной коммуникации, которая сейчас нарабатывает формальный аппарат, переходя от разбора единичных примеров к работе с корпусными данными. Справедливости ради надо отметить, что условие пересечения хотя бы какой-нибудь части жеста и слова скорее отсекает часть релевантных примеров, чем добавляет нерелевантные, и, кроме того, снижает возможность субъективной и неточной трактовки при соотношении слова и жеста.

Также вызывает вопросы подход, согласно которому для русского и немецкого языков аналитическая форма анализировалась как два разных глагола — бытийный и инфинитив.

Наконец, авторы пренебрегли различиями между говорящими, хотя упомянули, что записи очень сильно варьировались по числу жестов и по соответствию общим тенденциям. Объем обработанных данных значителен для исследования по мультимодальной коммуникации, но при существенном увеличении числа примеров результаты могут сильно измениться. С другой стороны, изучение индивидуальных стилей в жестикуляции могло бы пролить свет на причины несоответствия результатов выдвинутым гипотезам.

Полимодальность (мультимодальность) в коммуникации — многомерное явление, где все признаки многозначны, а их трактовка в большой степени зависит от контекста и способности исследователей учитывать этот контекст. Для того, чтобы охватить картину в целом, требуется рассмотреть множество факторов, и не все из них даже известны. В этой книге подробно разбирается один параметр жеста — предельность / неопределенность — и его соотносимость с актуальностью. Для некоторых языков этот грамматический признак оказался связан с выбранным параметром в жестах, для некоторых — скорее, нет. Очевидно, что причины, повлиявшие на отклонение результатов от первоначальной гипотезы в разных языках, требуют дальнейшего изучения.

В целом можно сказать, что эта книга будет полезна для всех, кто знаком хотя бы с одной из собранных под одной обложкой тем. Отдельно надо отметить подробное описание процедуры записи и аннотационной схемы, деталей кинезиологического исследования и изучения реакции адресата: подготовительные этапы изложены пошагово и полно, что важно для читателей с разной степенью подготовки в данных областях. Пояснения, касающиеся сбора и анализа данных, могут быть полезны при проведении похожих исследований и дают возможность сравнить результаты в этой новой области.

Среди других интересных методических деталей, заслуживающих отдельного обсуждения, можно назвать следующие: способ извлечения рассказов, приложенных к спонтанным, без запрета диалога; а также прямое сопоставление грамматических параметров и признаков жестов, включая разработку формальных правил для выделения и анализа этих признаков. Графические метафоры нередко используются для иллюстрации актуальных значений [Croft 2012; Janda 2015], но такой системный подход, опирающийся на использование языка и сотни примеров, когда предложены наглядные формальные критерии для сопоставления единиц в обеих модальностях для разных языков — одно из достоинств этой книги. Конечно, сложное понятие актуальности невозможно свести к признаку предельности / неопределенности события, но описанный здесь подход дает

возможность опираться на наблюдаемые объективные параметры для таких сравнений, легко применимые в других похожих исследованиях.

Описания аспектуальных свойств жестикуляции для каждого из языков, хотя и выполнены в рамках общей задачи, выдвигают на первый план разные стороны изучаемого явления. Так, в главе 3 рассматриваются примеры соответствия жестов и глагольных признаков, при этом для французского языка тщательно разбирается небольшое число примеров, в немецкой части сделан упор на обобщение данных и четко изложенные выводы, для русского же языка особое внимание обращалось на сложные случаи: деепричастия, дискурсивные маркеры с глаголами и другие детали, такие как повтор одного глагола в нескольких формах, выбор будущего времени в рассказе о прошлом, аффиксация, распределение глаголов по семантическим группам и их использование в разных частях рассказа. Также по-разному выстроены остальные подглавы в рамках каждой главы. В целом можно сказать, что сочетание под одной обложкой разных способов анализировать и описывать одинаковые явления в разных контекстах, будучи естественным результатом работы коллектива авторов из разных стран, дает более объемное понимание проблемы, хотя и оставляет много вопросов, например: повлиял ли как-то на результаты и в целом на сделанные выводы и обобщения тот факт, что для русских данных был проведен анализ по семантическим классам жестов, а для немецких нет?

В заключение можно отметить, что найденные в подобных исследованиях критерии, которые отныне можно описывать как формальные и встречающиеся в разных контекстах, нередко оказываются фундаментом для дальнейших исследований и следующего шага в этой области. Понятие предельности жеста, варианты ее реализации в каждом конкретном случае (в начале и/или в конце жеста, точно в середине, многократно на протяжении жеста), очень вероятно, могут стать одной из таких фундаментальных находок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бернштейн 1990 — Бернштейн Н. А. *Физиология движений и активность*. М.: Наука, 1990. [Bernshstein N. A. *Fiziologiya dvizhenii i aktivnost'* [Physiology of movements and activity]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Гришина 2017 — Гришина Е. А. *Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования*. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. [Grishina E. A. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya. Korpusnye issledovaniya* [Russian gesticulation in linguistic perspective. Corpus studies]. Moscow: YaSK Publishing House, 2017.]
- Дубровский, Федорова 2003 — Дубровский В. И., Федорова В. Н. *Биомеханика: Учебник для средних и высших учебных заведений*. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. [Dubrovskii V. I., Fedorova V. N. *Biomechanika* [Biomechanics]: A textbook for schools and universities. Moscow: VLADOS-PRESS, 2003.]
- Зайцева 2000 — Зайцева Г. Л. *Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений*. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. [Zaitseva G. L. *Zhestovaya rech'. Daktilologiya* [Sign speech. Dactilology]: A textbook for higher school students. Moscow: VLADOS Publ., 2000.]
- Ирисханова 2014 — Ирисханова О. К. *Полиmodalность*. 2014. [Iris Khanova O. K. *Polimodal'nost'* [Polymodality]. 2014.] URL: <http://scodis.ru/студентам/гlossарий/полиmodalность>
- Крейдлин 2002 — Крейдлин Г. Е. *Невербальная семиотика*. Москва: НЛО, 2002. [Kreidlin G. E. *Ne-verbal'naya semiotika* [Non-verbal semiotics]. Moscow: NLO, 2002.]
- Федорова и др. 2016 — Федорова О. В., Кибрик А. А., Коротаев Н. А., Литвиненко А. О., Николаева Ю. В. *Временная координация между жестовыми и речевыми единицами в мультимодальной коммуникации. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2016, 15(22): 159–170. [Fedorova O. V., Kibrik A. A., Korotaev N. A., Litvinenko A. O., Nikolaeva Yu. V. Temporal coordination between gestures and speech in multimodal communication. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*, 2016, 15(22): 159–170.]
- Филимонова 2015 — Филимонова Е. В. *Функционально-семантическая категория аспектуальности в русском жестовом языке*. Дис. ... канд. филол. наук. НГТУ, Новосибирск, 2015.

- [*Funktsional'no-semanticeskaya kategoriya aspektual'nosti v russkom zhestovom yazyke* [Functional-semantic category of aspectuality in Russian Sign Language]. Ph.D. diss. Novosibirsk, 2015.]
- Шамаро 2006 — Шамаро Е. Ю. Некоторые факты видо-временной системы РЖЯ. *Современные аспекты жестового языка*. Комарова А. А. (сост.). М.: ВОГ, 2006, 180–191. [Shamaro E. Yu. Some facts from the tense-aspect system of the Russian Sign Language. *Sovremennye aspekty zhestovogo yazyka*. Komarova A. A. (comp.). Moscow: The All-Russian Deaf Society, 2006, 180–191.]
- Becker et al. 2011 — Becker R., Cienki A., Bennett A., Cudina C., Debras C., Fleischer Z., Haaheim M., Müller T., Stec K., Zarcone A. Aktionsarten, Speech and Gesture. *GESPIN: Gesture and Speech in Interaction Proceedings*, 2011: 30–35.
- Boutet 2015 — Boutet D. Conditions formelles d'une analyse de la négation gestuelle. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 6 (717), 2015: 116–129.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Croft 2012 — Croft W. *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Duncan 2002 — Duncan S. Gesture, verb, aspect, and the nature of iconic imagery in natural discourse. *Gesture*, 2002, 2(2): 183–206.
- Goldin-Meadow et al. 1996 — Goldin-Meadow S., McNeill D., Singleton J. Silence is liberating: Removing the handcuffs on grammatical expression in the manual modality. *Psychological Review*, 1996, 103: 34–55.
- Janda 2015 — Janda L. A. Russian aspectual types: Croft's typology revised. Shrager M., Fowler G., Franks S., Andrews E. (eds.). *Studies in Slavic linguistics and accentology in honor of Ronald F. Feldstein*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2015, 147–167.
- Kendon 2004 — Kendon A. *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Langacker 2008 — Langacker R. W. *Cognitive Grammar: A basic introduction*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Liddell 2003 — Liddell S. *Grammar, gesture, and meaning in American Sign Language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- McNeill 1992 — McNeill D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992.
- McNeill 2003 — McNeill D. Aspects of aspect. *Gesture*, 2003, 3(1): 1–17.
- Parrill 2005 — Parrill F. The visible and the vocal: Speech and gesture on a continuum of communicative actions. *Sign Language Studies*, 2005, 6: 116–127.
- Parrill et al. 2013 — Parrill F., Bergen B. K., Lichtenstein P. V. Grammatical aspect, gesture, and conceptualization: Using co-speech gesture to reveal event representations. *Cognitive Linguistics*, 2013, 24(1): 135–158.